

На правах рукописи

КОШЕЧКО Анастасия Николаевна

**ФОРМЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русской и зарубежной литературы.

Научный консультант

доктор филологических наук, профессор
Янушкевич Александр Сергеевич

Официальные оппоненты

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра русской литературы и теории литературы, профессор

Анисимов Кирилл Владиславович, доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет», кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации, профессор

Габдуллина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайская государственная педагогическая академия», кафедра литературы, профессор

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет»

Защита состоится 25 марта 2015 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » января 2014 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юлия Вадимовна Филь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Ф.М. Достоевского во многом симптоматично для постапокалиптической эпохи XXI века. Трагическая неразрешенность вопросов человеческого существования, отсутствие единой идеологии, стремительность процессов глобализации и стирания границ между культурами создает ситуацию беспрецедентного цивилизационного сдвига, в котором личность писателя, его героев, феноменологическая природа его текстов обнаруживают себя своеобразными экзистенциальными константами, обеспечивающими духовные, ценностно-смысловые опоры для самоопределения и самоидентификации человека. Феномен экзистенциального сознания Достоевского – это не застывшая в диахроническом разрезе реальность давно прошедших и «монологически» завершенных процессов XIX века, это динамическая современность, активно диалогизирующая с каждым читателем и включающаяся в разрешение актуальных вопросов века XXI. Гуманистическая основа экзистенциального сознания Достоевского определяет его своеобразие в соотношении с экзистенциализмом XX–XXI вв.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на серьезные достижения в изучении феномена экзистенциального сознания (труды представителей русской философской мысли рубежа XIX–XX вв. – Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, Г.В. Флоровского, К. Леонтьева и др.¹, психоаналитического подхода – А. Адлера, З. Фрейда, Д. Ранкур-Лаферьера и др.², М.М. Бахтина, А.Н. Латыниной, В.В. Заманской и др.), в настоящее время не существует целостного монографического исследования по проблеме, вынесенной в заглавие диссертационного исследования, – «Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского».

Значимость предлагаемого исследования определяется тремя моментами: во-первых, обостренным вниманием современной филологической науки к проблемам феноменологии, во-вторых, усилившимся интересом к вопросам взаимодействия литературы и философии, в-третьих, необходимостью системного осмысления экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского и его миромоделирования в художественном творчестве.

Целью настоящего диссертационного исследования является выявление способов репрезентации экзистенциального сознания Достоевского как целостной художественно-мировоззренческой системы.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящего диссертационного исследования предполагается решение следующих **задач**:

1) разработать теоретико-методологическую базу литературоведческого исследования феномена экзистенциального сознания (определение понятия

¹См.: Кошечко А.Н. Творчество Ф.М. Достоевского в идейном пространстве гуманистической антропологии русского экзистенциализма // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 9 (150). С. 96–103.

²См.: Янушкевич А.С., Кошечко А.Н. Психоаналитический подход к изучению форм экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). 2014. № 5. URL:<http://www.science-education.ru/119-14627> (дата обращения: 25.09.2014).

«экзистенциальное сознание», критерии разграничения понятий «экзистенциальное» и «экзистенциалистское», методология анализа);

2) выявить атрибутивные характеристики и индивидуально-авторские особенности экзистенциального сознания Достоевского и формы их реализации в поведенческом тексте писателя и его художественном творчестве (проблема определения художественного метода писателя);

3) систематизировать аксиологические доминанты экзистенциального сознания Достоевского;

4) исследовать проблему генезиса экзистенциального сознания Достоевского в аспекте индивидуально-поведенческого текста (психогенетические особенности личности) и эстетики художественного творчества;

5) проанализировать экзистенциальные смыслы творчества писателя и соответствующие им способы текстопождения;

6) охарактеризовать способы отражения в слове экзистенциальной судьбы Достоевского (проблема экзистенциального персонотекста писателя);

7) обозначить особенности экзистенциальной онтопоэтики прозы Достоевского.

Научная **новизна** диссертационного исследования определяется следующими параметрами:

1) в работе впервые предлагается сформулированное автором диссертации определение понятия «экзистенциальное сознание», учитывающее как уникальные особенности авторского мирообраза, так и аксиологические доминанты сознания автора, специфику его эстетики и поэтики;

2) в основание концепции положены ценностно-мировоззренческие доминанты, определяющие аксиологию экзистенциального сознания и специфику особого, экзистенциального, слова Достоевского;

3) впервые предметом литературоведческого анализа становятся не только художественные и публицистические тексты Достоевского, фактические продукты текстовой деятельности писателя, но и то, что осталось неоформленным, не получившим итогового завершения, но является принципиально важным для понимания механизмов функционирования творческого сознания Достоевского;

4) в работе предпринимается попытка оформления принципов изучения экзистенциального сознания Достоевского в универсальной методике анализа текста, соответствующей специфике изучаемого явления;

5) комплексным изучением различных аспектов репрезентации экзистенциальной концептосферы Достоевского в художественном методе писателя, принципах миромоделирования, жанровой системе творчества, проблематике и поэтике произведений;

6) результатом исследования становится выявление форм и системное описание уникальных авторских особенностей текстуальной репрезентации экзистенциального сознания Достоевского в его повседневно-экзистенциальной и художественной ипостасях.

Актуальность диссертации определяется необходимостью целостного научного осмысления жизненного и писательского опыта Ф.М. Достоевского, который одним из первых в русской литературе выступил как носитель экзистенциального сознания, реализующего себя в принципиально новых по сравнению с предшественниками текстовых моделях и жанровых образованиях.

Объектом в данном диссертационном исследовании является экзистенциальное сознание как феномен, отражающий специфику ментальности автора и уникальность его творческого метода.

Предметом исследования являются психофизиологические особенности и жизненные впечатления Достоевского («пограничные ситуации») как основа формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя, экзистенциальные доминанты в аксиологии и эстетике писателя, формы его воплощения в художественной и нехудожественной практике текстоорождения. Такая логика исследования позволяет не только рассмотреть творчество Достоевского как первичную форму реализации экзистенциальных идей и смыслов на русской почве, но и проанализировать сами способы репрезентации экзистенциального сознания как целостной художественно-мировоззренческой системы.

Материалом исследования в данной работе являются эго-документы, художественные и публицистические произведения Ф.М. Достоевского. Для выявления истоков формирования экзистенциального сознания писателя предпринят анализ эпистолярных и мемуарных источников его близких родственников (А.Г. Достоевской, А.М. Достоевского, Л.Ф. Достоевской) и современников (С.Д. Яновского, Н.Н. Страхова, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого). Не претендуя на полноту раскрытия проблемы, настоящее диссертационное исследование включает в себя анализ тех текстов писателя, в которых наиболее очевиден процесс текстоорождения, оформления «текущей процессуальности» экзистенциального сознания в слове и включения его в эстетическую рефлексию.

Методология диссертационного исследования обусловлена феноменологической природой экзистенциального сознания, его атрибутивными характеристиками и способами воплощения в индивидуально-авторской системе творчества Достоевского, которое рассматривается нами как уникальный целостный личностно-мировоззренческий и художественно-философский комплекс, не поддающийся обычным аналитическим стратегиям. По мысли М.М. Бахтина, «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы»³. Данный постулат определяет представленную в настоящей работе стратегию диалогического взаимодействия исследователя с творческим универсумом Достоевского: от

---

³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Советская Россия», 1979. С. 80.

психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя – к миромоделирующим началам собственно творчества, к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и формам их воплощения в его художественной практике.

Для раскрытия синтетической природы экзистенциального сознания Достоевского, выявления особенностей его структуры и взаимоотношений между элементами в настоящем диссертационном исследовании применяется номолого-аксиологический подход⁴, а также система подходов, используемых в различных отраслях знания: культурно-исторический, теоретико-типологический, текстологический, семиотический, герменевтический, психоаналитический, лингвоперсонологический, коммуникативный.

Основой применяемых в диссертации методов исследования являются труды по феноменологии экзистенциального сознания (П. Рикер, М. Бубер, М. Хайдеггер, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, А.Н. Латынина, Е.К. Созина, В.В. Заманская) и творчеству Ф.М. Достоевского. Методология текстологического исследования опирается на научные разработки специалистов Петрозаводского университета во главе с В.Н. Захаровым⁵.

Теоретической базой исследования являются методологические принципы прочтения и комментирования текстов Достоевского, предложенные в академическом собрании сочинений писателя в 30-ти томах членами авторского коллектива, сотрудниками Пушкинского Дома, фундаментальные труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Г.М. Фридлендера. Основанием изучения для историко-литературного контекста экзистенциального сознания писателя и разработки методики анализа его текстов стали работы известных современных достоевсковедов, прежде всего И.Л. Волгина, В.Н. Захарова, Т.А. Касаткиной, К.А. Степаняна, Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова, В.А. Викторovichа, В.И. Габдуллиной, А.А. Казакова, Е.Г. Новиковой, Э.М. Жилияковой, Н.Ф. Будановой, Е.А. Акелькиной, Р.Н. Семькиной и др.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что впервые в научный оборот вводится системное представление об экзистенциальном сознании Достоевского с обозначением атрибутивных характеристик и аксиологических доминант изучаемого явления, методологией анализа, позволяющей систематизировать и описать формы репрезентации феномена в текстовой деятельности конкретного писателя, его уникально-авторском мирообразе и эстетической системе. Системный анализ фактов способствует методологически новому осмыслению и решению проблем изучения творчества Достоевского. Выявленные характеристики экзистенциального сознания могут

---

⁴ Кошечко А.Н. Номолого-аксиологический подход в исследовании экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского как литературоведческой категории // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). 2014. № 5. URL:<http://www.science-education.ru/119-14387> (дата обращения: 22.08.2014).

⁵ Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Выпуск 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы»: Монография. Петрозаводск, 2009. С. 3–26.

служить основой изучения художественных систем других писателей и закономерностей разных периодов русской и зарубежной литературы.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования ее положений в разных сферах научной и педагогической деятельности: в научно-исследовательской работе, при подготовке научных изданий по творчеству Достоевского, в междисциплинарных исследованиях феномена экзистенциального сознания; в построении учебных программ вузов по теории и истории литературы, в лекционных теоретико-литературных и историко-литературных курсах; в курсах повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров; в авторских курсах по экзистенциальному анализу художественного текста для вузов и общеобразовательных учреждений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Экзистенциальное сознание Достоевского – это художественно-философский феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий текст писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления. Экзистенциальное сознание реализует себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования. Программа художественного синтеза является ведущей стратегией нарратива Достоевского, обеспечивающей неразрывность сфер самовыражения личности в слове.

2. Экзистенциальное сознание Достоевского – своеобразная семиосфера, которая обладает следующими атрибутивными характеристиками: «пограничность», уединенность, апостасийность, «текущая процессуальность», ценностная ориентированность, текстоцентричность и включает в себя систему миромоделирующих концептов.

3. Экзистенциальное сознание Достоевского представляет собой феномен «эпохального сознания» (К. Ясперс), которое отражает процессы современности и пытается их осмыслить через призму собственного опыта, через опытно познаваемые данности экзистенции – исполнение и страдание.

4. Pro et contra у Достоевского – это феноменологический фундамент экзистенциального сознания, зафиксированная в ментальной структуре личности ситуация выбора. Эпоха кризиса переносит решение вопросов о разграничении добра и зла в область индивидуального выбора человека, делает сферой его персональной ответственности. Метафизическая и духовная пропасть возникает не между добром и злом, не между положительным и отрицательным, а между теми, кто сохраняет веру в Бога и соответственно представление об иерархическом устройстве мироздания, и теми, кто совершает осознанный и деятельный выбор в пользу богоборчества и атеизма как веры в небытие Бога.

5. Экзистенциальное сознание Достоевского интегративно, отражает представление о характере эпохи и мироощущении человека в ней, соединяет философские, культурно-исторические и литературно-художественные пласты.

Ценностная структура экзистенциального сознания Достоевского определяет его синтезный характер и проявляется в соединении, «сплаве» интимно-исповедального, личного и общественно-значимого, общечеловеческого, универсального начал.

6. Стремление Достоевского реализовать в тексте повседневно-экзистенциальную и художественную ипостаси экзистенциального сознания, высказать сокровенное приводит его к необходимости преодоления инерции жанрового мышления и реализуется в тяготении к «пограничным жанрам», более мобильным в плане передачи ценностной структуры экзистенциального сознания.

7. Художественный метод Достоевского представляет собой результат синтеза номологического (объективная истина, репрезентируемая в форме законов) и аксиологического принципов описания действительности. Писателю нужен «реализм в высшем смысле», позволяющий фиксировать индивидуальное, неповторимое, неоднозначное в личности, различные варианты воплощения экзистенциального опыта. Метод «фантастического реализма», в основе которого лежит исследовательская установка автора на **понимание** онтологической сущности происходящего, позволяет Достоевскому описывать «истинно-ценностный дуализм» явлений, получать верифицируемое знание и вербализовывать его результаты в своих произведениях в виде системы представлений о бытии как незавершенном проекте и осознанном участии в нем личности как способе осуществления собственной экзистенции.

8. Наиболее эффективным для исследования форм экзистенциального сознания Достоевского как специфического текстового феномена представляется метод, построенный на синтезе номологического и аксиологического подходов, связанных между собой на основе принципа дополнительности и позволяющих, с одной стороны, сделать зримыми **разные стороны феномена** при помощи какого-либо **одного средства** и описывать **одну из сторон феномена разными средствами** – с другой.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования прошли апробацию в виде докладов международных и всероссийских конференциях: Международной научной конференции «Развитие русского национального мирообраза в пространстве межкультурного диалога» (2008, 2013), Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (2009, 2011, 2013), Российской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово в культурно-историческом контексте» (2010), Международной научной конференции «Ф.М. Достоевский в смене эпох и поколений» (2011), Международной научно-практической конференции «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации» (2011), Межрегиональных Макариевских чтениях (2011–2013), Днях славянской письменности и культуры (2011–2013), Региональной научно-практической конференции «Комплексный курс "ОРКСЭ": теория и практика преподавания» (2011–2013), Всероссийской с международным участием конференции «Наука

и образование» (2008–2014), Международной научной конференции «Воспитание в семье. Исторический и современный контекст» (Польша, 2012), Всероссийской научно-практической конференции «Педагогическая деятельность в условиях реализации ФГОС» (2013), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Философско-педагогическое наследие С.И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры» (2013), Международных Рождественских образовательных чтениях «Преподобный Сергей. Русь. Наследие, современность, будущее» (2014), Региональной конференции «Приоритеты развития региональной системы образования в интересах детей» (2014), Международной научно-практической конференции «Духовные доминанты в русской словесности, истории, искусстве: к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского» (2014) и др. Результаты исследования были представлены автором в рамках Молодежной научной школы «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции» по теме «Эволюция форм экзистенциального сознания в культуре: синхрония и диахрония» (2012), учебных курсов историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета, на курсах повышения квалификации работников образования (ТГПУ, ТОИПКРО и др.), в авторских семинарах.

Результаты исследования были одобрены в виде научных отчетов автора в качестве руководителя проекта «Парадигмы художественного сознания в словесной культуре» (государственный контракт №14.740.11.1393), исполнителя проекта «Текстология русской классической литературы: переписка В.А. Жуковского как памятник русской классической литературы XIX века» (государственный контракт №14.740.11.0230) в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

По теме диссертации опубликовано 35 работ, среди них 1 монография, 1 статья в зарубежном научном издании, 16 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура и объем диссертации диктуются исследуемым материалом, целью и задачами работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы, включающего 484 наименования. Текст исследования составляет 480 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, цель и задачи диссертационного исследования, рассматриваются методологические стратегии в изучении экзистенциального сознания как литературоведческой категории, сформулированы актуальность, научная новизна и положения, выносимые на защиту.

В Главе I «**Экзистенциальное сознание как художественно-философский феномен в творчестве Ф.М. Достоевского**», определяющей стратегию

диссертационного исследования, дается терминологическое обоснование понятия «экзистенциальное сознание» как феномена личностного и творческого универсума писателя, анализ универсальных и индивидуально-авторских особенностей и аксиологической системы экзистенциального сознания Достоевского.

Параграф 1 «**Понятие "экзистенциальное сознание" в личностном и творческом универсуме Достоевского: универсальные и индивидуально-авторские особенности**» посвящен решению одной из приоритетных задач настоящего диссертационного исследования – определению феноменологических свойств и системному описанию экзистенциального сознания как объекта литературоведческого исследования.

Раздел 1.1 «**Художественно-философский феномен экзистенциального сознания Достоевского**» посвящен проблеме терминологического определения экзистенциального сознания, выявлению понятийно-концептуальных и инструментальных способов репрезентации авторского сознания в различных типах текстов, механизмов творческого мышления писателя.

Экзистенциальное сознание Достоевского – бытийная метакатегория⁶, феноменологическая структура, воплощающая субъективную переживаемость человеком себя в мире и мира в себе в формах индивидуального поведенческого текста писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и типа художественного мышления. Индивидуально переживаемые Достоевским смыслы и ценности формируют экзистенциальный опыт самосознания и самобытия личности как целостного единства мыслительного, волевого, эмоционально-чувственного и духовного начал. Собственный опыт писателя становится экзистенциальной точкой зрения, фиксирующей внешнюю и внутреннюю конфликтность существования человека в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования.

В разделе 1.2 «**Атрибутивные характеристики экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского**» исследуются категориальные свойства изучаемого феномена, являющиеся равнозначными структурно-смысловыми элементами, которые позволяют отличать изучаемый феномен от других. Атрибутивные характеристики позволяют уточнить объем понятия «экзистенциальное сознание» и в дальнейшем идентифицировать и классифицировать формы текстуального проявления феномена в творчестве Достоевского. Последовательность представления атрибутивных характеристик экзистенциального сознания отражает логику его генезиса с обозначением формирующих факторов и способов репрезентации: «пограничность», уединенность, апостасийность, «текущая процессуальность», ценностно-ориентированный тип сознания, текстоцентричность. Выделенные особенности формируют семиосферу экзистенциального сознания писателя.

---

⁶Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке / Под общей ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

В «пограничной ситуации» происходит становление экзистенциального сознания как персональной метапозиции личности по отношению к своему бытию через ценностное самоопределение, принятие факта «не-алиби в бытии» и совершение поступка. Результатом проживания «пограничных» ситуаций для Достоевского и его героев становится постановка «болевых» вопросов о смысле собственной жизни и бытия в целом, которые реализуются в тексте в идеологических моделях, не претендующих на высказывание раз и навсегда данной истины. Писатель осознает эпоху 1860–1870-х годов как «пограничную ситуацию», через которую проходит вся русская нация в поисках смысла своего существования. Центральное место в творчестве Достоевского занимает тема потерянной человеческой личности, утратившей ощущение единства с миром. Писатель исследует процесс превращения героя в «антигероя», осознающего свою отчужденность от мира. Крайним выражением модуса «антигероя» становится Николай Ставрогин в «Бесах», личность, лишенная способности быть, экзистенциальной потенции выбора между добром и злом.

Вторая атрибутивная характеристика экзистенциального сознания Достоевского – **ситуация уединения**, активного одиночества, в которой открывается духовная вертикаль бытия, запускаются механизмы рефлексии. В экзистенциальной судьбе Достоевского событиями уединения становятся обучение в Инженерном училище, заключение в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, каторга в Омском остроге, годы жизни за пределами России, отчуждение от мира и других людей в моменты припадков и после их завершения. Феномен уединенного сознания становится основой событийного и характерологического ряда его эго-текстов (письма, «Припадки», «Дневник лечения в Эмсе. 1874 г.») и художественных произведений. Большинство героев произведений писателя «выпадают» из повседневной жизни, находятся по ту сторону обыденной реальности. Репрезентантом этого процесса становится номинация самих текстов писателя: «Записки из Мертвого дома», «Записки из подполья», «Хождение души по мытарствам» и т.д.

Апостасийность⁷ экзистенциального сознания Достоевского обозначает точку мировоззренческого кризиса, существующие в сознании человека «пограничной эпохи» антиномии: метафизическая и духовная пропасть возникает между теми, кто сохраняет веру в Бога, представление об иерархическом устройстве мироздания, и теми, кто совершает осознанный и деятельный выбор в пользу богоборчества и атеизма. Для Достоевского носителями апостасийного сознания, в котором идея Бога устраняется из структуры сознания личности, являются нигилисты, Нечаев и его последователи, особый тип преступника-жертвы, готовые идти на страдания и страшные преступления ради своих убеждений. Апостасия **побеждает** человека

---

⁷ Термин «апостасия» (греч. «отпадение, отступничество, измена») вводится в научный оборот литературоведения впервые. Традиционно он используется в богословии для обозначения религиозного отступничества, утраты христианином веры, отрицания религиозных догматов, связанного с отпадением от Церкви и иногда сопровождаемого переходом в другие вероисповедания или к атеистическим воззрениям.

в случае добровольного ухода от Бога или **побеждается** в его сердце через восстановление высших мотиваций жизни. Поэтому знаменитая фраза писателя, что он предпочтет «остаться со Христом, нежели с Истиной», – это способ противостояния абсурду существования и сохранения себя как целостной личности.

«**Текущая процессуальность**» – отражение внутренней структуры, логики функционирования и вербальной репрезентации экзистенциального сознания Достоевского и его героев. Писатель фиксирует в слове проживание настоящего как активный поступок личности, осуществляющей свою единственность и уникальность. Единственным достоверным способом проникновения в мир экзистенции является интуиция, глубоко личный, иррациональный процесс одновременного проживания и анализа. Осмысление бытийных вопросов для Достоевского происходит через опытно познаваемые данности экзистенции – страдание, отрицательный опыт (каторга, потеря близких, болезнь), и исполнение, внутреннее соответствие между содержанием опыта и глубинной сущностью личности (Достоевский-издатель «Дневника писателя»). Категориальной приметой «текущей процессуальности» в его текстах становится художественное время, установка автора на «здесь и сейчас», а доминантными методологическими и поэтологическими принципами – экзистенциальная антропология и феномен «подросткового сознания», сочетающий по принципу *pro et contra* созидательные и деструктивные качества личности. Незавершенность, экспериментальность мировидения не дает личности опереться на свой опыт и приводит к «состоянию колебания», полярности эмоциональных реакций героев и антиномичному взаимодействию с Другими. В этом смысле повести «Маленький герой», «Неточка Незванова», роман «Подросток» – художественная реализация этого феномена.

Экзистенциальное сознание как **ценностно-ориентированный тип сознания** отражает представление Достоевского об онтологической значимости этической стороны существования человека, персонального выбора между добром и злом для преодоления абсурда существования. Синтез интимно-исповедального, социального и общечеловеческого начал позволял писателю преодолеть деструктивные тенденции пореформенной эпохи и воплотить целостность личности в неразрывности сфер ее самовыражения: нельзя «уединять случай» и лишать его «права быть рассмотренным в связи с общим целым» (Т. 28, Кн. I, С. 72–73). Примером ценностного синтеза является интеграция в структуру экзистенциального сознания Достоевского доминант религиозной (православной) парадигмы мышления на основании сходных типологических установок: потребность в диалоге с Другим (Богом, человеком); ориентация на опыт переживания «пограничных ситуаций»; самосознание; двоемирие (мир естественный и сверхъестественный, человек и Бог, бытие и небытие); идеологическая составляющая мировоззрения; «рубежность» сознания. Дихотомия человеческого существования – противопоставление сознания «счастливого», целостного сознанию «несчастному», разорванному – дается в «Дневнике писателя» как этическая

программа развития личности. Экзистенциальное сознание писателя – пример жизнестроительства на ценностно-нормативных основаниях: показывая процессы развоплощения и саморазрушения, он предлагает систему ценностных противовесов для духовной мобилизации, восстановления Образа Божия как духовного «ядра» отдельной личности и целого народа.

Текстоцентричность экзистенциального сознания Достоевского определяется необходимостью проявления аксиологической пассионарности в виде поступка. Экзистенциальная личность стремится зафиксировать активное проживание собственного бытия в динамичном, «творящем» слове. Специфика процессов текстопорождения Достоевского определяется сознательной ориентацией на понимание себя как онтологической единицы. Внутренняя полемичность, перманентное балансирование между полюсами самопонимания и самоосуществления преодолевается писателем через дискриптивность как языковое проявление рефлексии. Для построения подобной системы Достоевский использует слово многозначное, «не равное себе», допускающее рождение смысла через взаимодействие в процессе восприятия формально-вербальных структур и приемов невербального выражения идейного содержания, «значимое отсутствие». Текст экзистенциального сознания Достоевского рассчитан на целостное переживание и понимание.

Параграф второй **«Аксиология экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского»** позволяет составить представление об изучаемом феномене через выявление и систематизацию миромоделирующих концептов, образующих семиосферу экзистенциального сознания писателя.

Раздел 2.1 **«Ценность как системообразующая категория экзистенциального сознания Достоевского»** посвящен анализу практического самоосуществления исследуемого феномена через аксиологическую доминанту его структуры. Раскрывая перед читателями свой ценностный опыт с помощью различных форм репрезентации экзистенциального сознания, Достоевский предлагает алгоритм действия по освоению ценности и качественно новому выстраиванию своей судьбы. Через обращение к работе с ценностями как фундаментом сознания личности Достоевский тренирует нравственную интуицию своего читателя, формируя опыт самоопределения и персональной ответственности за свою судьбу. Ориентация на разные типы духовности является универсальным критерием разграничения **экзистенциального** сознания писателя и **экзистенциалистского** сознания. В основе структуры экзистенциального сознания Достоевского лежит мощнейший религиозный компонент, живая и деятельная связь с русской православной культурой; экзистенциалистское сознание ориентируется на атеистический тип духовности культуры в ее различных национальных вариантах.

Раздел 2.2 **«"Мир с Богом" и "мир без Бога": религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии Достоевского»** посвящен анализу амбивалентной ценностно-мировоззренческой системы Достоевского, в основе которой лежит выбор типа

духовности как возможного пути самореализации личностью своего «не-алиби» в бытии. В романе «Бесы» Достоевский описывает аксиологические критерии разграничения цели и смысла существования личности «в мире с Богом» и «в мире без Бога». Формой репрезентации внутренней расколотости личности становятся ситуации идеологических споров, в которых герои самоосуществляют себя в бытии через вербализацию результатов экзистенциального выбора и помогают самоосуществиться Другим. Мировоззренческие концепции оппонентов требуют апробации в реальной практике существования, поэтому ситуации идейных споров повторяются, возвращая героев к исходным установкам и показывая точки роста в осмыслении собственной экзистенциальной судьбы.

Сцена решающего идеологического спора между Шатовым и Ставрогиным в «Бесах», маркированная «символом веры» самого писателя, – одна из наиболее репрезентативных с точки зрения способов работы писателя с категорией ценности. «Человек-перекресток» Ставрогин утрачивает способности верить, различать добро и зло, находится в ситуации между «миром с Богом» и «миром без Бога», тяготея одновременно к полюсу созидательных (Христос как высший идеал) и разрушительно-атеистических идей. Это форма призрачного бытия персонифицированного зла, которое не может существовать по факту неопределимости и неидентифицируемости границ собственной экзистенции. Он использует ресурсы экзистенциальных судеб Других, в качестве эксперимента внедряет аксиологическую полярность своей души в сознание «учеников» Шатова и Кириллова: «я буду веровать в Бога» Шатова (Т. 10, С. 201) и «если Бога нет, тогда я Бог» Кириллова (Т. 10, С. 470). В своем отношении к Абсолюту эти герои образуют универсальную экзистенциальную триаду, характерную для каждого из романов Великого Пятикнижия: в «Преступлении и наказании» это Раскольников, Соня, Свидригайлов; в «Идиоте» – князь Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна; в «Братьях Карамазовых» – Иван, Алеша, Смердяков.

В произведениях Достоевского система ценностей является необходимым компонентом структуры сознания, поэтому субъекты атеистической духовности обладают собственной аксиологией интегративного характера, выделяющей их на фоне других героев.

Аксиологическая система сознания Достоевского обусловлена экзистенциальным мировидением, ощущением «пограничности» пореформенной эпохи и бытия в целом, особым отношением к русскому Православию и ценностной парадигме русской литературной традиции. Идея западноевропейского экзистенциализма о смерти Бога и праве на субъективное разграничение добра и зла не может быть совместима с миром писателя, для которого Бог всегда остается вершиной ценностной вертикали.

В разделе 2.3 «**Аксиология экзистенциальной концептосферы Достоевского**» представлен анализ способов реализации этической метапрограммы Достоевского, ведущую роль в которой играет освоение и закрепление ценностей в иерархической системе духовных императивов.

Анализ текстов Достоевского позволяет говорить об антиномии ценностных смыслов: логика движения сознания личности к полюсу Истины предполагает выстраивание иерархической системы ценностей (Бог, народ, семья, человек, сердце, Другой/Другие), логика движения к полюсу Абсурда – иерархическую систему антиценностей (Ничто, индивидуум, «случайное семейство», уединенное сознание).

Ценностные категории в текстовой практике Достоевского репрезентируют следующие концепты:

1. Концепт «**Бог**» (1730 словоупотреблений⁸), ядерными смыслами которого наряду с прямым наименованием являются Христос (воплощение непосредственного Богообщения), икона⁹, бессмертие, Церковь. Бог для писателя является воплощением идеала, возможности преодоления кризиса сознания через со-бытие с Другими, через отказ от разрушительных устремлений собственного «Я». Непосредственное общение человека с Богом определяет логику духовного развития личности: от самопознания к богопознанию, которое предполагает соблюдение двух важнейших принципов – человеколюбия и самопожертвования. Репрезентативный материал реализации данного концепта представлен в «Дневнике писателя» (в частности, в очерке «Влас», выпуск за 1873 год);

2. Концепт «**народ**» (2427 словоупотреблений), в смысловое поле которого входят следующие смысловые компоненты: русский, культура, православие, народная вера, родовое сознание. По мысли Достоевского, ценностные основания Православия как культуuroобразующей религии формируют соборность, удивительную открытость, «всемирную отзывчивость» русского народа, способность занять персональную позицию по отношению к собственной культуре, быть носителем ее духовных и нравственных ценностей, осознавать себя русским, не «стыдиться своего лица». С вопросом национальной идентичности для Достоевского неразрывно связан и вопрос диалектического взаимодействия в сознании человека личностного и родового начал;

3. Концепт «**семья**», ядерными смыслами которого являются «малая Церковь», «мать», «отец», «дети», «любовь». Ценностная оппозиция «семья» (182 словоупотребления) – «семейство» (603 словоупотребления) в значении «норма–антинорма» позволяет писателю выстроить собственную программу преодоления разрушительных последствий трансформации семьи в «случайное семейство» через духовное преображение личности, которое строится в творчестве Достоевского на идее семьи как «охраняющего начала», как **этического пространства, в котором царит любовь**: она выстаивает в

---

⁸ Шайкевич А.Я., Андрущенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского / Рос.акад. наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: «Языки славянской культуры», 2003. С. 23. Далее количественные показатели словоупотреблений даются по этому изданию.

⁹ Слово «образ» (в значении «икона») встречается в текстах Достоевского 92 раза, слово «икона» – 55 раз, слово «образок» – 12 раз.

сложные периоды за счет патриархальных ценностей, стабильности, укорененности в прошлом;

4. Концепт **«человек»** является одним из основных в аксиологической системе экзистенциального сознания Достоевского (5618 случаев словоупотребления), в качестве ядерных смыслов он включает в себя следующие компоненты: сердце как средоточие нравственного поля личности и духовный инструмент познания Бога, свобода, идеал, Другой/Другие как ценностно-значимые субъекты. В основе экзистенциальной антропологии Достоевского лежит представление о ценности человеческой личности как самодостаточной величины, определяющей характеристикой которой является ее самосознание; проживание жизни как События, реализация установки на «мужество быть». Герои Достоевского воплощают своими судьбами симптомы эпохи (потеря целостности личности, кризис ответственности и равнодушие). В поиске правды о человеке творчество Достоевского эволюционирует от гуманистических идей ранних романов «Бедные люди» и «Униженные и оскорбленные» до диалектики «подпольного человека», возникшей в результате крушения идей гуманизма как неэффективной антропологической системы;

5. Концепт **«сердце»** (2658 словоупотреблений) осмысливается как средоточие личности, духовный феномен, высшая форма развития сознания личности и определяет доминанты характерологии центральных героев произведений писателя, формирует способ интуитивного мировидения, открывает личности возможность преодоления абсурда существования через восстановление в себе, как в «первообразе», духовной вертикали и Слова Божия. В раннем творчестве писателя преобладает преимущественно фольклорно-мифологическая модель сердца, интерес к исследованию души, в романах Великого Пятикнижия, ставится вопрос о духе через ориентацию Достоевского на православно-христианский уровень концепта «сердце»;

6. Концепт **«Другой»** («Другие») (частотность словоупотребления 5296) имеет особый статус в творчестве Достоевского благодаря высокому уровню его смыслового потенциала и национальной специфики разрешения проблемы. Отправная точка в осмыслении проблемы Я и Другие – осознанное существование: «Я – есть». Самоидентификация и самоактуализация человеческой личности – это вечный поиск Я, вечный процесс самопознания и изменения в зависимости от отношения «Я–Другой» или вне этого отношения. Полифоническая структура романов Достоевского является одной из индивидуально-авторских форм выражения проблемы Я и Другой/Другие, структурирующей сознание героев на этапе самоосознания и определения своих границ и выполняющей в его произведениях миромоделирующую функцию.

Путем диалектических отношений друг с другом эти элементы образуют экзистенциальную концептосферу Достоевского, ориентированную на константы русской культуры.

Раздел 2.4 **«Аксиологическая интеграция экзистенциального сознания Достоевского как миромоделирующий принцип текстопорождения»** описывает способы взаимодействия ценностей и смыслов, создающих «силовое поле» русской духовности и формирующих ценностные конструкты «культура», «образ мира» («картина мира»), «мировоззрение». В текстах Достоевского реализуются «опытные» формы усвоения закона сохранения ценностей: вслед за эпохой писатель подвергает традиционные ценности новому осмыслению, выстраивая логику рассуждений «от противного», чтобы раскрыть созидательный потенциал содержания. Писатель вырабатывает собственную методологию исследования реальности, основанную на амбивалентной личностной позиции: необходимо отделять факты от собственных оценок и ценностей, но в то же время помнить о ценностной детерминации исторических и социальных процессов. «Фантастический реализм» позволяет Достоевскому получить верифицируемое знание и адекватно феномену вербализовать результаты потому, что в его основе лежит исследовательская установка автора на **понимание** сути происходящего. В его текстах мы наблюдаем **не результат**, а **процесс** рождения ценности, который для него онтологически важен как свидетельство самоосуществления перманентно становящегося экзистенциального сознания.

Во Главе II **«Экзистенциальная судьба Ф.М. Достоевского: способы отражения в слове»** представлен анализ психофизиологических особенностей личности как основы формирования экзистенциального миробобра в творчестве писателя и способов экзистенциальной коммуникации в формате «Я и Другие».

Параграф первый **«Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального миробобра в творчестве Ф.М. Достоевского»** посвящен исследованию форм репрезентации повседневно-экзистенциального сознания Достоевского.

В разделе 1.1 **«Детство и юношеские годы Достоевского: формирование сознания и проблема воспитания»** мы подробно останавливаемся на осмыслении фактов биографии, детских и юношеских впечатлений, взаимоотношений писателя с родителями, вводя в научный оборот достоевсковедения представление о событиях раннего экзистенциального опыта писателя.

Раздел 1.1.1 **«Родители Достоевского – субъекты раннего экзистенциального опыта писателя»** посвящен анализу эго-документов семьи, позволяющих выявить уникальные формы изложения опыта собственного детства как прецедента формирования потенций осмысления себя и мира. На этапе становления сознания он напрямую, через поступки и письма, обращается к матери и отцу, в зрелом возрасте – через централизацию темы семьи, роли родителей в духовном становлении детей.

Единственными дошедшими до нас эго-документами личного характера являются письма Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских с 1832 по 1835 годы, отражающие особенности мировоззрения коммуникантов.

Сохранившиеся тексты писем отца дают картину надорванного, болезненного сознания человека, много пережившего и испытавшего. Особенности мировоззрения врача и стиля, которым пользуется М.А. Достоевский для выражения своих переживаний (обороты высокого духовного красноречия, риторические отступления, старославянизмы, уменьшительно-ласкательные обращения к супруге в начале и в конце писем, соединяющие выражение живых человеческих чувств и канцелярский стиль изложения), демонстрируют искренность позиции, но не позволяют ему передать в полной мере актуальное и волнующее содержание собственной экзистенции, поэтому он ограничивался бытовыми сетами по поводу хозяйственных неурядиц и материального благополучия семьи. Такое же парадоксальное сочетание живой индивидуальности и штампов, ставших результатом усвоения письменной культуры эпохи, проявит себя в раннем творчестве Достоевского. В эпистолярном романе «Бедные люди» герои показаны в процессе становления своего слова. Макар Деушкин, начинающий свое общение с Варенькой с бытовых зарисовок в духе физиологического очерка, со временем осознает качественное изменение своего сознания: его характеристика «слог формируется» означает понимание глубинной работы сложных механизмов смысло- и текстопорождения, благодаря которым он учится выражать себя, быть понятным и понятым.

В своих размышлениях об отце Достоевский избегает «нравственного мазохизма» публичного самоанализа. Зазвучать в полный голос своим размышлениям он позволит только в творчестве, в котором опыт собственного детства, судьба отца и его гибель станут объектами эстетической рефлексии. Повседневный-экзистенциальный текст через онтологизацию смыслов перейдет в ипостась художественную, сделав открытия собственной экзистенции открытиями для множества Других экзистенций, готовых к «активному взаимопроникновению» (М.М. Бахтин) и осознанному принятию/отталкиванию трагических, неоднозначных образов отцов (отца Раскольников, Семена Мармеладова, генерала Епанчина, Версилова, Федора Павловича Карамазова и других).

Мать писателя, М.Ф. Достоевская, определила развитие эмоциональной, душевной стороны его писательского и личностного облика. Язык писем матери писателя личностный, в каждой фразе проявляется ее эмоциональное отношение к людям и событиям. Этикетные элементы письменной речи в ее текстах короче и используются для описания бытовых, житейских ситуаций. Разговорный язык, использование пословиц, поговорок, простонародных слов и речевых оборотов раскрывают ее «веселость природного характера». Глубокая психологическая драма, которую сохранили письма родителей писателя 1835 г. (защита оскорбленного достоинства жены и матери, которую подозревают в супружеской измене в связи с новой беременностью), объясняется экзистенциальной невозможностью повлиять на убеждения Другого в ситуации напряженного диалога двух личностей, с разным жизненным опытом и мировоззренческими позициями, но устремленных через слово навстречу друг

другу. Особенностью писем М.Ф. Достоевской является понимание адресата, поэтому стиль эпистолярного общения демонстрирует вполне гармоничные семейные отношения с четким распределением гендерных позиций супругов. Впоследствии эта модель отношений с четким распределением позиций будет воспроизведена в браке Федора Михайловича и Анны Григорьевны Достоевских и их переписке.

Раздел 1.1.2. «**Направления воспитания ценностной сферы повседневно-экзистенциального сознания Достоевского**» посвящен анализу начального этапа становления экзистенциального сознания. Семейная сфера обнаруживает ориентацию родителей писателя на ценности традиционной семьи и патриархальной модели воспитания с последовательной реализацией трех направлений: **эмоциональное**, формирование чувственной сферы личности; **смысловое**, формирование интеллектуальной сферы личности; **религиозное**, развитие духовной сферы личности. Соединённые в единое фундаментальное Событие судьбой писателя, они служат своеобразными симптомами осознания Достоевским-ребенком своей экзистенции, своего «Я есмь», связанного неразрывно со светом и словом как способами восприятия бытия и самоосуществления себя в нем. Особое значение в этом процессе – помимо семейного чтения и уроков Закона Божьего, паломнических поездок в Троице-Сергиеву Лавру – имеет обучение в пансионах, первый опыт столкновения Достоевского с внешним миром, потрясение от встречи с собственным Я, самостоятельная попытка реализовать «не-алиби в бытии» через обретение способности говорить **от своего имени**. В этот период чтение становится способом формирования смыслового ресурса его личности, способом уединения и размышления в пространстве пансиона, где оказаться наедине с собой было крайне проблематично. Впечатления периода обучения в пансионах Достоевский позднее приурочил к отроческим годам своих будущих героев, сопроводив их рядом автобиографических и автопсихологических характеристик («Житие великого грешника», «Подросток»). Осознание своего «Я есмь» в бытии, процессуально освоенное в детстве, формирует ценностно-смысловую сферу повседневно-экзистенциального сознания Достоевского и реализуется в текстовой деятельности через систему концептов.

Опыт собственного детства как нравственный ориентир станет для писателя критерием разграничения «прежде» и «теперь», «семьи» и «случайного семейства» как разных духовных и нравственных способов существования. Систематическое разрушение духовных оснований семьи, пренебрежение к выполнению родительских и сыновних обязанностей, воспитание цинизма, равнодушия, отрицания приводит к «полной потере высшего идеала существования» (Т. 23, С. 25), утрате идеи бессмертия. Семантическая емкость образа семьи и поведенческая семейная традиция (в аспекте идеала и его трансформации) положены в основу формирования образа мира в «Дневнике писателя» Достоевского и романов Великого Пятикнижия. Из идеи семьи как явления русской жизни выстраивается в его творчестве положительная программа преодоления духовного кризиса человечества.

Раздел 1.2. «Эпилептические припадки в мировоззренческой и художественной системе Достоевского» посвящен исследованию форм репрезентации повседневно-экзистенциального сознания писателя, связанных с рефлексией «пограничных ситуаций» болезни. Достоевский не просто страдал эпилепсией, а *осознавал себя эпилептиком*, болезнь была неотъемлемой частью его повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и особенности художественного мышления. Снижая ценность материальных благ и карьерных интересов, болезнь выводит на первый план вопросы существования личности. Ценным материалом самоанализа болезни являются «эго-тексты» Достоевского, среди которых особо выделяются «Припадки» (1869) и «Дневник лечения в Эмсе. 1874 г.» – уникальное средство описания своего психологического и физиологического состояния, примеры экстравертной рефлексии человека, который никогда не вел личных дневников.

«Припадки» – первый целостный «эго-документ» Достоевского, особый жанр аналитических медицинских записок, сделанных **самим** пациентом **о своей** болезни. Начиная с 1860 г. Достоевский подробно записывал в блокноте даты своих припадков (в общей сложности 102 события), подробно фиксируя симптомы приближающегося «удара», его продолжительность и интенсивность. Сам факт создания «Припадков» говорит о том, что Достоевский занимает зрелую позицию по отношению к своей болезни, сопряженную с выработкой нового типа ценностного отношения к жизни и смерти, здоровью и болезни как формам бытия личности, к себе и миру.

«Дневник лечения в Эмсе. 1874 г.» включает в себя 11 записей, сделанных в период с 25 июня по 25 июля 1874 года, и реализует установку автора на анализ положительного опыта сопротивления болезни, на подтверждение результативности выработанной мировоззренческой позиции. Писатель подробно рассказывает о пребывании в курортном городе в Пруссии, фиксируя в слове свое физическое и эмоциональное состояние, продолжительность и эффективность принимаемых процедур. Графический формат записей включает в себя указание дня недели, числа (или только числа), времени суток, погодных условий, физического и душевного состояния, замечаний о количестве и качестве принимаемых процедур и осторожных выводов о прогрессе лечения. В этом эго-документе Достоевского знак «NB» обозначает момент выхода в режим диалогического взаимодействия с внешним миром.

В повседневно-экзистенциальном тексте Достоевского обнаруживается связь между состояниями припадков и страстью к игре в рулетку, которая предполагает в качестве противника не другого человека, а Случай, столкновение с Другим в его предельном, экзистенциальном, выражении. С психологической точки зрения, мотивация Достоевского к игре была вызвана тем же деструктивным импульсом, что и эпилептические припадки, – всепоглощающим, разрушительным чувством вины, которое компенсируется проигрышем, переживанием личностью, доводящей себя в игре до самоистязания, остроты чувств. Случай и Болезнь в повседневно-экзистенциальном сознании Достоевского становятся равнозначными

величинами, символизирующими борьбу человека с Неизвестными Факторами. Со-бытие бытия Достоевский и в моменты припадков, и в моменты игры переживается через текст. «Припадки», «Дневник лечения в Эмсе. 1874 г.», «Игрок», образы героев-эпилептиков в романах Великого Пятикнижия – это способ реализовать свою «систему игры», выйти за пределы, соприкоснуться с миром трансцендентных ценностей и вернуться обратно, выстраивая дальнейшее существование как личности и как писателя со-образно обретенному опыту.

Раздел 1.3. «Дело Петрашевского и проблема власти в экзистенциальной и творческой судьбе Ф.М. Достоевского» посвящен изучению опыта участия писателя в политическом кружке и коммуникации с властью, ставших основанием создания прецедентных текстов повседневно-экзистенциального сознания.

Феномен политического дела Петрашевского экзистенциален по своей природе. Угрозу государству представляла не общественная деятельность участников этого кружка, обсуждавших на литературных пятницах острые вопросы современности, а их инаковость, мировоззренческая (явная или скрытая) оппозиционность. Впервые в своей жизни Достоевский оказывается в ситуации, когда его персональная позиция проверяется соотнесением с позицией Другого, переживанием «искушения» идеей, провоцирующей внутренний конфликт. История взаимоотношений с Николаем Спешневым, «своим Мефистофилем», материал «Дневника писателя» (очерк «Влас»), образ Ставрогина в «Бесах» – важнейший репрезентативный материал для осмысления этой проблемы.

Этот этап жизни писателя начинается с экзистенциального по своему характеру, самостоятельного, аксиологически и мировоззренчески зрелого слова, произнесенного в «пограничной ситуации», но записанного Другим в форме протокола допроса. Это новое слово представлено в трех документах: «Объяснение Ф.М. Достоевского», тексты формального допроса и отдельных показаний. Для такой ситуации оказывается жизненно необходимой точность и выверенность каждого слова, которое нельзя «переговорить» или исправить. В «Объяснении» писатель вербально оформляет результаты идейного самоопределения, в том числе – через характеристику своего отношения к руководителю кружка Петрашевскому. Принципиальным для него становится вопрос критериев, по которым выносятся обвинения, понятие законности/противозаконности поступка как преступления политического и как преступления нравственного. «Овнешняющий» взгляд, по мысли Достоевского, ориентируется на искусственное домысливание и достраивание его персональной позиции, поэтому возникает необходимость концептуализации и нравственного обоснования своей позиции. Способом представления собственных идей в «Объяснении» служит использование программно-монологической формы высказывания от 1 лица с привлечением в качестве аргументационной базы своей персональной позиции, системы рассуждений о бытийных основаниях современной русской цивилизации и четких логических

доводов. Фактически, показания Ф.М. Достоевского по делу Петрашевского образуют целостный комплекс эго-документов, каждый из которых маркирован персональной позицией писателя: «Мне хотелось только высказать образ идей моих»¹⁰. Для самого Достоевского эти тексты являются способом утверждения справедливости: даже если участники кружка и не будут оправданы, справедливость восторжествует в формате утверждения нравственного закона. Впоследствии этот опыт текстопорождения будет определять механизм работы сознания, продуцирующего текст в присутствия Другого. Мысль проживается и вынашивается в уединении, а пишется текст – «на площади». Это дает возможность через восприятие Другого дистанцироваться от **своего** текста.

Раздел 1.4. «**“Каторжный текст” как форма воплощения повседневного-экзистенциального сознания Достоевского**» посвящен анализу значимого этапа становления сознания и форм его репрезентации. Синхронизировать и парадигматически обозначить весь спектр размышлений писателя о каторге возможно только в аспекте диахронического анализа, соединив в единый текст сознания все свидетельства разных этапов его жизни. Все вместе они образуют своеобразный «каторжный текст» Достоевского, идейной доминантой которого является мысль о «перерождении убеждений». Ситуация изгнания, ощущение тотальной оторванности от родных, духовной и литературной жизни активизирует рефлексивные механизмы сознания Достоевского. Не имея возможности устраниваться от происходящего вокруг, он ставит перед собой новую экзистенциальную задачу – отыскать смысл и высшие мотивации существования, осознать свое прошлое, не преувеличивая и не искажая его, сохранить себя и свое достоинство. Позиция наблюдателя, которую Достоевский занимает по отношению к собственной судьбе, реализуется в действии механизма «проживание–дистанция–осмысление–выражение в слове», на котором будет выстраиваться психологический метод писателя. Его интересует осмысление и описание самого процесса страданий, который глубоко индивидуален, но имеет определенные типологические закономерности: «Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всякого черного, горемычного люда» (Т. 28, Кн. 1, С. 172).

«Уединение» каторги является необходимым условием возникновения экзистенциального сознания: акцент мировосприятия переносится с мира внешнего на мир внутренний, открывается духовная вертикаль жизни, через «пересмотр прежней жизни» под влиянием Евангелия начинает выстраиваться духовный вектор мировоззрения писателя, результатом действия которого становится «свобода» и «воскресение из мертвых» как знак духовно-экзистенциальной эволюция сознания. У Достоевского путь к себе, открытие настоящей правды о себе идет через преодоление «искуса индивидуальности», саморазрушения в открытии «сияющей личности» Христа и духовных императивов русского народа, ориентированных на личное принятие и

---

¹⁰ Объяснение Ф.М. Достоевского // Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.: «Наука», 1971. С. 106.

следование идеалу Христа как живой Истины¹¹. «Символ веры» – это результат раз и навсегда совершенного выбора «верить». После каторги и ссылки религиозная тема становится у Достоевского центральной. Ответ на этот фундаментальный экзистенциальный вопрос – «*существование Божие*» (Т. 29, Кн. 1, С. 117) – потребовал от Достоевского текстуальной рецепции, художественного осмысления своего опыта «перерождения» на каторге. Анализ эго-текстов писателя показывает, что ему открывается *pro et contra* внутреннего мира человеческой личности и система личных духовных императивов, ориентированных на личное следование идеалу Христа.

Параграф 2 «**Я и Другие: к характеристике повседневно-экзистенциального сознания Достоевского**» посвящен анализу способов экзистенциальной коммуникации в формате «Я и Другие» с близкими и современниками, выступающими внешними смысловыми орбитами интерпретации судьбы писателя.

Раздел 2.1. «**Диалог через текст: рецепция "ближнего круга"**» включает в себя исследование текстов воспоминаний близких писателю людей. Воспоминания брата, А.М. Достоевского¹², – это первоисточник для суждения о том, что могло повлиять в детские годы на психику будущего писателя. Описывая быт своей семьи, ближайших родственников и знакомых, он очень мало говорит об особенностях характера Федора, хотя жизнь двух старших братьев прошла у него на глазах. Воспоминания пишутся уже в зрелом возрасте и А.М. Достоевский не считает нужным искусственно реконструировать, домысливать произошедшее в детстве. Опираясь на воспоминания брата писателя, можно предположить, что в системе воспитания детей отцом руководила постоянная мысль о «приличии» их поведения, которая заключалась в охране от духа «вольнодумства».

Среди широкого спектра биографических источников особое место занимают «Воспоминания» А.Г. Достоевской, которые представляют эстетизированный вариант воспоминаний, художественно обработанные свидетельства о реально произошедших событиях (в отличие от ее стенографического дневника, который отражает реальную картину). Текст ее дневника создает облик писателя как творца, издателя, публициста, мужа, отца, друга, человека. А.Г. Достоевская довольно точно описывает факты, характеризующие отношение Достоевского к своей болезни и достаточно много внимания в тексте уделяет припадкам, их влиянию на психоэмоциональное состояние писателя и творческий процесс.

На самом отдаленном от писателя уровне находятся свидетельства его современников, центральное место в которых занимает полемика об истоках его болезни, специфике взаимоотношений с незнакомыми или малознакомыми

---

¹¹ В атеистической версии экзистенциального сознания, лишенного духовной вертикали и замкнутой на эмпирически-бытовом и душевном уровнях, «единственным Христом, которого мы заслуживаем», по версии А. Камю, может быть только человек. См.: Камю А. Предисловие к американскому изданию «Постороннего» // Камю А. Чума. Посторонний: Романы: Пер. с фр. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. С. 8.

¹² Достоевский А.М. Воспоминания / Ред., вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 427 с.: портр.

людьми, полярность эмоциональных реакций Достоевского, его доверчивость к «лицам, искренне преданным ему», откровенность.

В разделе 2.2 «Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации» представлен анализ эволюционного характера взаимоотношений Достоевского и Н.Н. Страхова (близость в период существования журналов «Время» и «Эпоха» в начале 1860-х годов и полное духовное расхождение в 1870-х) как прецедент внешней интерпретирующей позиции по отношению к ценностно значимому Другому.

В программной по своему характеру статье Страхова «Наблюдения. Посвящается Ф.М. Достоевскому» представлена подробная аналитика мировоззренческих позиций оппонентов, исходным пунктом которой является принципиально разное отношение к человеку. Для Достоевского вера в человека – незыблемое условие существования, основа его аксиологической системы, духовная причина сопротивления абсурду, при отсутствии которой человек неминуемо бы «истребил себя». Вера в человека неотделима для Достоевского от веры в Бога и следования идеалам русского народа. Страхов, не верящий в человека и русский народ становится для писателя идейным антагонистом. Позиции Достоевского и Страхова совпадают только в исходном тезисе о закономерности исторического развития человечества. Понимание логики этого развития и роли в нем личности у Достоевского экзистенциальное: он ощущает свою персональную ответственность за то, что происходит в мире, а потому единственно возможной для себя считает позицию активного участника, а не пассивного наблюдателя. Еще одной точкой расхождения коммуникантов становится отношение к Истине¹³. Для Страхова личности, высказывающие заведомо ошибочные идеи, заслуживают осуждения (в особенности «псевдо-идеологи», настойчиво провозглашающие свои «идеи»). В споре со Страховым Достоевский озвучивает «исходный код» экзистенциального универсума своей личности. Он отстаивает право личности на свою, субъективную правду, на право быть выше социальных установлений и стереотипных представлений Других.

Несколько лет спустя личная полемика становится результатом неприятия Достоевским типологических черт личностей, подобных Страхову, из-за их душевной успокоенности и экзистенциальной несамоопределенности. Формулы «кушать сладко и сидеть на мягком», «семинарист» Достоевский использует для характеристики человека, стремящегося в любых ситуациях избегать нравственного дискомфорта. Эта установка формирует ложные основания мировоззрения личности и не позволяет ей занять персонально-ответственную позицию в бытии. Активная персональная позиция Достоевского противостоит пассивной позиции Страхова, который не только не испытывает интереса к литературной полемике, но и не способен, с точки зрения писателя, на какую-либо самостоятельную ценностную позицию.

---

¹³ Флорентийские беседы 1862 года, получившие спустя несколько лет осмысление в «Наблюдениях» Н.Н. Страхова.

28 ноября 1883 года Н.Н. Страхов пишет письмо Л.Н. Толстому, которое будет опубликовано в журнале «Современный мир» в октябре 1913 года с целью поставить окончательную точку в незавершенном споре с Достоевским. Страхов, обращаясь к авторитетной личности Толстого для незаинтересованной оценки «Биографии Достоевского» и своего «настоящего» к нему отношения, предпринимает попытку пропедевтической самореабилитации до публикации личных записей Достоевского с его нелестными отзывами о Страхове. «Отвращение», о котором говорит Страхов, преследовавшее его «при жизни и по смерти» писателя, является фактом самосознания, измерения масштаба своей личности, литературных амбиций и дарования относительно индивидуальности, перманентно находящейся в персональной позиции и экзистенциально встроенной в бытие.

Экзистенциальный характер взаимоотношений Достоевского и Страхова выстраивается по модели коммуникации с ценностно значимым Другим. Достоевский говорит от имени своего Я, дает видение изнутри, совершает бытийный, экзистенциальный жест, с общечеловеческой семантикой этической реакции на распад смыслового поля личности, закрепляет уникальность своей экзистенции в слове. Страхов занимает внешнюю, оценивающую, интерпретирующую, а потому искаженную его субъективным видением внутреннего мира Другого позицию: это реакция обиженного человека, в рассуждениях которого проявляется психологический механизм проекции и стремление добавить значимости своему существованию.

Глава III «**Экзистенциальное слово Ф.М. Достоевского**» посвящена описанию повседневно-экзистенциальной и художественной форм экзистенциального сознания как метаструктур, включающих в себя локальные жанровые образования.

В параграфе первом «**Формы повседневно-экзистенциального сознания в творчестве Достоевского**» дается представление о ранних эго-текстах (раздел 1.1 «**Ранние эго-тексты. Текстуальное становление повседневно-экзистенциального сознания Достоевского**») и уникальном для Достоевского жанре «письменной книги» (раздел 1.2 «**Письменная книга**»). Ранние эго-тексты Достоевского свидетельствуют о пробуждении творческого таланта, потребности словесно переживать открывающийся опыт экзистенции и находить для него адекватные формы выражения. Основными текстами, в которых Достоевский в этот период говорит от своего имени, являются его письма к родителям и родителей к нему¹⁴. Это объясняется интровертностью писателя, который в эпоху бытования дневниковой культуры **сознательно** отказывается ей следовать. Чтобы писать, Достоевскому необходимо **прожить** то или иное **событие**, сделать факт жизни частью своего **персонального опыта**, а затем **перевести** этот опыт **в слово**. Но в момент «перевода» события с «языка души» в другую систему знаков неизбежны потери смысла, того непосредственного ощущения, которое сопровождает момент проживания в

---

¹⁴ Сохранилось 6 писем писателя к отцу и 8 писем, написанных Достоевским совместно с братьями (1832–1839).

бытии, реакцию субъекта. Поэтому задача Достоевского – соединить свое, уникальное и общечеловеческое, универсальное. Достоевский неоднократно говорил о трудностях, которые связаны для него с процессом письма и усиливались в тех случаях, когда речь шла о вопросах мировоззренческих, нравственно-идеологических, провокационных. Решающую роль в процессе создания текста письма у Достоевского играет специфика адресата: «ближний круг» – «другие». В письмах он специально оговаривает этот момент потенциально возможного несовпадения экзистансов автора письма и его адресата, дистанцируясь от собственного текста через утверждения отвращения к «писанию» писем. В письмах к «другим» вполне возможно сомневаться в адекватности прочтения потому, что их взгляд насыщен субъективными смыслами и в силу удаленности от писателя, незнания его как личности. Даже слово самого Достоевского о самом себе становится непреодолимой экзистенциальной преградой для подобных адресантов: в тексте им открывает не сам автор, а его образ, наполненный собственными интерпретациями читающего. Именно эта манипуляция смыслом и не устраивает Достоевского. Совершенно по-другому выстраиваются письма, адресованные близким людям, близким именно по духу, «таким же, как я». Близость здесь определяется близостью экзистенциального опыта, способностью и себя, и другого воспринимать в персональной позиции, **не интерпретировать, а понимать.**

«Письменные книги», прообраз «Дневника писателя», – способ диалога с самим собой, фиксации и рефлексивного осмысления событий, оптимальная форма для самоопределения в слове, которое свободно от выхода на уровень публичности. Писатель стремится к преодолению к инерции жанрового мышления, к освобождению от литературных форм, не способных зафиксировать экзальтированную динамику реальности сознания. «Письменные книги» Достоевского – это самоосознаваемый гипертекст, реальный и действенный способ синтезирования сложной, текстоцентрической, поливалентной реальности экзистенциального сознания. Пиктограммы, рисунки, «пробы пера» – все это специфические для Достоевского формы работы сознания, поиска своего слова, равновеликого масштабу его уникальной экзистенции. Достоевский предпринимает попытку сделать литературу интерактивной, диалогически «обратимым» видом словесного искусства с активной позицией трех субъектов текстовой деятельности – автора, текста и читателя. Нелинейная проза «Письменных книг» Достоевского – признак рождения нового творческого метода, в котором реализм и фантастика, натурализм и сентиментализм, романтизм перемешиваются в созидательной для литературы пропорции.

Параграф второй **«Художественные формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского»** содержит классификацию форм репрезентации художественной ипостаси феномена в диалогическом притяжении-отталкивании с художественной практикой сентиментализма и романтизма, литературой западноевропейского экзистенциализма, анализ виктимологического дискурса как формы практического осуществления

номолого-аксиологического подхода писателя к осмыслению реальности человеческого сознания и его осуществлению в слове.

Сознание Достоевского в процессе самоопределения вступает в коммуникацию с русской и европейской литературными традициями (раздел 2.1 **«Ценностные парадигмы сентиментализма и романтизма в генезисе экзистенциального сознания Достоевского: к вопросу о становлении метода»**), с ценностными мирами своих предшественников, для которых рассмотрение вопроса о человеке, его судьбе, борении чувств обретало свои способы анализа и текстуальной репрезентации. Достоевский в своем художественном методе синтетически соединяет традиции сентиментализма, романтизма, «натуральной школы». Анализ проблемного поля текстов писателя показывает целый спектр экзистенциальной проблематики, намеченной в литературе романтизма и получающей целостное развертывание в художественной практике Достоевского: проблема красоты, которая рассматривается Достоевским как нравственная категория, гармоничное равновесие pro et contra, высшая мотивация жизни; мотив обретения души как цель осуществления экзистенции личности; особый статус слова, которое участвует в коммуникации сознаний, является эквивалентом человеческой экзистенции, способом самоосуществления себя в бытии; проблема человека, поиск способов изображения природы человека в искусстве, характера его детерминированности, уникальных антропологических моделей, отражающих специфику экзистенциального сознания как самого автора, так и его героев. Невозможность бытия вне слова осознает герой романа «Бедные люди» Макар Девушкин, созидательная природа слова обнаруживает себя в «Записках из Мертвого дома», герой которого переживает событие обретения души как «воскресение из мертвых». В «Двойнике» Достоевский показывает трагический финал судьбы человека, который на пути к обретению подлинной экзистенции сталкивается с необходимостью преодоления абсурда и саморазрушения через борьбу со своим двойником, воплощением бездуховности и деструктивных начал бытия. В «Преступлении и наказании» подлинное существование обретается через эксперимент (Раскольников), веру и самопожертвование (Соня), сумасшествие (Катерина Ивановна), скитание и смирение (Мармеладов) и др. Глубинная суть поэтики романов Пятикнижия – опровержение принципа абсолютизации социально-исторической детерминированности как решающего фактора становления и развития сознания человека. Человек у Достоевского определяется и сознает себя в отношении к Богу и к Бытию как к всеобщему процессу существования.

Для западноевропейской литературы XX века эпоха 1930–1940-х гг. становится временем своеобразного культурного слома, актуализирующим рефлексию проблемного поля романов Достоевского, катализатором философско-теоретических работ и творческих поисков (раздел 2.2 **«Проблема преступления и наказания в романах Ф.М. Достоевского и А. Камю ("Преступление и наказание" и "Посторонний")»**). Проблема преступления и наказания в одноименном романе Достоевского, как и в других романах

Великого Пятикнижия, реализуется через систему внутренних оппозиций (бытовое–бытийное, юридическое – нравственное, временное – вечное, профанное – сакральное и т.д.), включается в комплекс нравственно-философских проблем (проблема абсурда, проблема существования человека в мире, проблема суда и др.), образующих «смысловое ядро» художественного текста. В литературе западноевропейского экзистенциализма идеи Достоевского вызывают полемический отклик (в частности, в произведениях Ж.-П. Сартра и А. Камю). В трактовке проблемы преступления и наказания Камю акцентирует особую роль категории абсурда, который не означает, что «все дозволено», а демонстрирует равнозначность последствий любых действий. Человек вправе выбирать, но его выбор ничего принципиально не меняет, финал будет один и тот же – смерть. Экзистенциалисты ценили саму возможность выбора, не задумываясь о его вариантах. Эта идея позволяет нам говорить о том, что разграничение «экзистенциального» и «экзистенциалистского» феноменов сознания – не терминологическое излишество, а способ анализа и описания качественно разных по своей структуре и аксиологическому потенциалу феноменов. Несмотря на то, что Достоевский традиционно называется в числе предтеч западноевропейского экзистенциализма, его влияние на это литературно-философское направление выстраивается скорее в формате полемической коммуникации: идеи писателя выступают своеобразной точкой отсчета на шкале координат собственной мировоззренческой и эстетической систем.

Результаты личного экзистенциального опыта в «Дневнике писателя» отражают характер пореформенной эпохи, воплощают «формулу» художественного сознания, для которого характерна острая антиномичность, система смысловых и ценностных оппозиций. Тематическое содержание дискурса в «Дневнике писателя» концентрируется в основном вокруг опорного концепта «жертва», поэтому целесообразно говорить о виктимологическом дискурсе, который реализуется в системе идеологических доминант текста (раздел 2.3 **«Виктимологический дискурс в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского как опыт экзистенциальной рефлексии»**). Необходимость репрезентации содержательного опыта экзистенциального сознания привела к тому, что «дневниковая проза» Достоевского преодолевает рамки «прямой» публицистики и становится сложным многозначным текстом с устойчивой системой экзистенциально-философских доминант (проблема осмысления бытийных вопросов через призму собственного опыта, осознание эпохи как «пограничной ситуации», представление о человеке как результате собственного выбора, проблема истины и т.д.).

Исследование динамики текста «Дневника писателя» Достоевского позволяет говорить о том, что дискурс реализуется в нем в виде трех структурно-семантических уровней: суперструктура (связана с жанром дискурса), макроструктура (членение текста на крупные составляющие – эпизоды, абзацы, группы реплик и т.д.), микроструктура (единство

тематическое, референциальное, событийное, временное, пространственное внутри крупных фрагментов дискурса).

Достоевский в «Дневнике писателя» акцентирует внимание на криминально-виктимологическом характере ситуации и ее влиянии на мировоззрение личности (кризис духовных ценностей, дезориентацию сознания, обесмысливание жизни, саморазрушение человека). Собственный экзистенциальный опыт проживания «пограничных ситуаций» приводит писателя к выводу, что в переломные эпохи человек вынужден самоопределяться относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это не столько сознательный выбор, сколько трагические последствия нравственной дезориентации. Нравственность здесь понимается в экзистенциальном смысле: не как «внешний» закон, требующий «внешнего» исполнения, а глубинный, фундаментальный закон личности, «интуитивная нравственность». Нужно отметить, что Достоевский – не криминалист, а писатель, которого в первую очередь интересует психологическая составляющая проблемы – виктимологический аспект личностных отношений. В «Дневнике писателя» Достоевский проводит психологический анализ различных типов жертв, акцентируя внимание, в первую очередь, на личностных качествах человека и мотивах его поведения: невиновная жертва, которая демонстрирует собственно виктимное поведение, предполагающее отсутствие какого-либо сопротивления враждебным обстоятельствам, действиям мучителя и т.д.; преступник-жертва; «пожертвованное поколение»; народ как жертва пореформенной эпохи. Проблема жертвы у Достоевского неразрывно связана с проблемой Бога как воплощением идеала, возможности преодоления кризиса сознания через со-бытие с Другими, через отказ от разрушительных устремлений собственного Я.

Итогом главы III становится параграф третий **«Экзистенциальные способы текстопорождения в творчестве Достоевского: поиск слова "о себе" и "о мире"»**, в котором представлена систематизация экзистенциальных способов текстопорождения в творчестве Достоевского, для которого слово является эквивалентом человеческой экзистенции и системно реализуется в творчестве писателя в преодолении инерции жанрового мышления, доминировании «пограничных» жанров, в «фантастическом реализме» как специфическом методе художественного моделирования реальности.

Тексты Достоевского представляют собой не «сумму идеологии», а единое художественное целое, что определяет главные идеологические акценты произведений. Рождение смысла и его обретение через рефлексию происходит в процессе «переживания» текста и поставленных в нем «болевых» вопросов о смысле его личной жизни, о ценностях мира, в котором ему приходится жить, о духовном выживании человека, о смерти души человека через «обезбоживание мира», о поиске смысла жизни. Реальные жизненные впечатления писателя, его индивидуальная экзистенциальная практика реализуют себя в производстве смыслов, апеллирует к опыту конкретного субъекта, воспринимающего текст. Нравственный вывод выявляется опосредованно через ситуацию выбора,

вытекает из поведения персонажей, а не дается в виде готовой сентенции. Слово в мире Достоевского – это форма осмысления человеком самого себя и мира как единственно возможного осуществления собственной экзистенции. Поэтому экзистенциальное сознание писателя реализует себя через слово, и только через него, что обуславливает одну из его атрибутивных характеристик – текстоцентричность, знаками которой являются концепты, восходящие к константам русской культуры в варианте ее индивидуального осмысления в персональном человеческом опыте. Поэтому в произведениях Достоевского – сама жизнь, увиденная через призму экзистенциального опыта. Отсюда – «нереальность» лиц, «неправдоподобность» фабул, «невозможная натяжка» конклавных сцен¹⁵.

Через образ слово понимается и принимается, провоцируя работу не столько ума с его критически-аналитическими установками, сколько «сердца», высших уровней сознания личности, способных со-переживать, со-относить себя с тем, что подразумевает под собой слово. Калейдоскопичность слов-образов в мире Достоевского является отражением разноголосицы «своих» слов героев, автора, читателя, сознание которого диалогически вовлекается в орбиту обсуждения, сложности «пореформенной эпохи», о которой они (слова-образы) стремятся оставить максимально достоверное и объективное (если это понятие можно применить к сфере индивидуального сознания, которое субъективно по своей природе) свидетельство, отразив не просто социальный вектор развития человека и мира и перечень внешних процессов, но самую суть, самое ядро эпохи – эпохальный тип сознания, сознания экзистенциального.

Обращает на себя внимание и особый характер работы Достоевского со словом. «Необработанность» стиля Достоевского концептуально обусловлена, потому что сам характер слова как продукта сознания, передающего бытийные смыслы, просто не может быть иным. Любая его корректировка приведет к утрате исходного содержания и феноменологической структуры экзистенциального слова. У Достоевского слово живое, подвижное, творимое здесь и сейчас. Поэтому подготовительные материалы и черновые редакции его романов, эго-тексты – это самостоятельные продукты текстоцентрического экзистенциального сознания Достоевского, которые еще ждут целостного описания и исследования именно в этом статусе.

Экзистенциальное слово Достоевского не информативно: это особый способ проявления внутреннего состояния человека, различных уровней сознания. Оно выступает как средство воплощения духовной реальности, поэтому в нем органично соединяются экзистенциальная и религиозная составляющие. Принцип действия экзистенциального слова Достоевского – «стремление обратить "взгляд" в "слух"» – переориентация акцентов со взгляда во вне на взгляд внутрь, на запуск механизмов погружения в рефлекссию. Эту технологию словесного моделирования Достоевский использует, чтобы «достучаться» до сознания читателей. Причем «слышать» это слово его герои и читатели могут

---

¹⁵ Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 / Сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. М.: «Книга», 1990. С. 216.

только тогда, когда уже наработан, обретен именно отрицательный опыт проживания реальности, когда личность прошла через «пограничную ситуацию» и научилась отделять главное от второстепенного.

Ценностная установка текстов Достоевского – с помощью слова изменить реальность, ценностно переориентировать. Отличительная особенность экзистенциального слова Достоевского – его проповеднический характер. Разговор о сущностных проблемах в произведениях писателя всегда происходит при непосредственном участии аксиологической иерархии, вертикали ценностных смыслов, определенной системы устойчивых идей и представлений. Характер сознания определяет характер слова. Установка на проверку высшей Идеей проявляется через включение в ткань повествования евангельского текста, который играет определяющую роль в содержании произведения, точно вписан в жизненные коллизии, ситуации и реалии, при которых происходит обращение к нему автора или героев. Каждый жизненный факт воспринимается сознанием и воплощается в через соотнесение с вечной Истиной. Этим «полным Абсолюта» словом Достоевский принципиально отличается от писателей-экзистенциалистов.

Специфика проповеди Достоевского заключается в установке писателя не на декларацию абстрактных идей, а на понимание (важно понять, что происходит в эпохе, что происходит с другими людьми и с ним самим как непосредственным участником событий). Эта установка оказывается эффективной для осмысления предельно подвижной пореформенной эпохи, потому что провоцирует работу трех важнейших механизмов текстоорождения: проживание ситуации как лично значимого события, «взгляд изнутри»; рефлексия происходящего через ситуации отстранения от субъективного опыта и его перевод в сферу объективных значений, «взгляд извне»; фиксация в слове как способе закрепления обретенного через личностный опыт и философское обобщение универсального содержания. Установка на проповеднический характер слова предполагает прямое обращение к читателю, непосредственный диалог с ним.

Высшим уровнем воплощения в тексте онтологического характера экзистенциального слова Достоевского является онтопоэтика его произведений. В первую очередь это касается принципов характерологии писателя, которые основываются на его представлениях о человеке. Герои Достоевского проходят сложную эволюцию в своих взаимоотношениях с бытием. Логика развития сознания личности предполагает движение от возможности писать и говорить до возможности слышать, то есть от внешней коммуникации с бытием к сосредоточенности на динамике своего внутреннего мира и диалогического «слышания» Другого. Этот же путь проходит и слово героев: от слова, обращенного вовне, до «внутреннего слова», от множественности, плюральности идей к единственности Истины, от героя, который определяется и исчерпывается словом «о себе и о мире», к герою, который становится выражением Слова в «высшем смысле», от «многоглаголания» (героям Достоевского, как и ему самому, принципиально важно говорение как

реализация себя в слове) к «полноте слова», молчанию как высшему достижению личности, которая выходит на уровень Абсолюта, где слова уже не нужны и бытие определяется Абсолютом.

Экзистенциальное слово писателя – онтологическая, ценностно-ориентированная категория, способ выражения особого типа духовности. Способы онтологизации слова в текстах Достоевского отражают структуру ценности, логику развертывания ценностного содержания: объективные значения (общекультурный, номологический уровень текста); объективные смыслы (социально-бытовой уровень текста); субъективные смыслы (внутренний, ценностно-психологический уровень текста); объективированные смыслы (высший, бытийный, аксиологический уровень текста).

Индивидуально-авторские особенности экзистенциального слова Достоевского системно реализуются через повседневно-экзистенциальную и художественную ипостась сознания и образуют экзистенциальный персонотекст писателя, в котором слово выступает как доказательство факта существования и способ самораскрытия личности.

Достоевский – субъективный эмоциональный тип личности, поэтому его тексты максимально персонифицированы и экспрессивны. Для писателя принципиально важной является акцентуация своей персональной позиции, которая реализуется в языке его произведений в виде грамматической выраженности субъекта речи: личные местоимения и глаголы 1 л. ед.ч. последовательно используются им в различных контекстах. Кроме того, маркером субъективного эмоционального типа является экспрессивность, реализующаяся посредством сугубой экспликации собственно авторского субъективного начала. Это проявляется в приемах интимизации, прерывистости повествования, в которое вторгается прямое авторское отношение к изображаемым событиям в виде вопросительных и отрицательных конструкций, прямых обращений к читателю, в выборе средств эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Достоевский делает объектом эстетической рефлексии явления современной действительности. Способом реализации коммуникативной стратегии автора является проповеднический характер художественного метода с его открытостью текстовой формы и диалогичностью структуры.

Активная авторская позиция, индивидуальная стратегия смылосозидания Достоевского проявляется на следующих уровнях: на уровне слова, воплощающего результаты авторской рефлексии нравственно значимых ситуаций и процесса творчества. Все творчество Достоевского можно рассматривать как единый рефлексивный текст, выстраивающийся вокруг – рефлексом, ценностно-смысловых структур, словесно репрезентирующих процессуальную и смысловую стороны экзистенциального сознания; на уровне организации целого, «макроконтекста» – в форме диалогической организации информации, открытости текстовой формы, стимулировании активной воспринимающей позиции адресата; на уровне «микроконтекстов» – в эмоциональной акцентуализации, использовании приема контраста,

опровержения аксиом, игры альтернативы и тождества, настойчивого повторения либо полного отказа от слова; на уровне аксиологии – в оценочности и экспрессивности. В своем «символе веры» он реализовал экзистенциальную модель поведения и стиль мышления, используя метод фронтальной семантической атаки; на уровне сюжета – парадоксальная логика развертывания событий, являющаяся константой вербального поведения Достоевского; на уровне жанра – в преодолении жестких жанровых границ и канонов, в тяготении к «пограничным» жанрам; на уровне творческого метода – в выборе специфических стратегий собственного представления об истине.

Интертекстуальные стратегии и тактики автора как способы функционирования межтекстовых взаимодействий являются в творчестве Достоевского своеобразной формой диалога с Другим через текст (проблема отношения к чужому тексту – это принципиально важно для текстоцентрического сознания Достоевского, это диалог с другим сознанием через текст). У Достоевского сочетается и стимулирование активной собеседнической позиции адресата, и обращение к обобщенно-абстрактному, собирательному воспринимающему субъекту. Адресат его обращения – любой человек. Наиболее распространенными формами реализации межтекстовых взаимодействий у Достоевского являются цитация (например, стихотворение Некрасова «Влас» в одноименном очерке «Дневника писателя») и аллюзивность (Священное Писание, художественные тексты). Комбинация разностилевых языковых средств позволяет Достоевскому реализовать установку на передачу целостного представления о мире через полярную калейдоскопичность образов. В этом отношении мы можем выделить две наиболее распространенные группы текстов писателя: повествование о современных злободневных событиях и тексты-проповеднического характера, обращенные «ко всем русским гражданам», «ко всему русскому миру».

В Заключении подводятся итоги и обозначаются перспективы дальнейшего исследования темы. Заявленная в названии настоящего диссертационного исследования научная проблема – «Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского» – предполагает обращение к системному изучению генезиса, жанровых форм репрезентации феномена, способам диалогического взаимодействия с литературой русского и европейского вариантов сентиментализма и романтизма как литературной и культурной первооснов изучаемого явления. Актуальным представляется исследование форм экзистенциального сознания в творчестве других русских писателей (Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др.) для выявления уникально авторских и национально-культурных особенностей, изучения вопроса об эволюции на уровне жанровых особенностей, художественного метода в истории русской и зарубежной литературы XIX–XX веков. Научным потенциалом обладает использование в изучении творчества русских и зарубежных писателей номолого-аксиологического подхода к исследованию форм экзистенциального сознания как наиболее адекватного специфике изучаемого феномена в системе современного литературоведения и методологическая рефлексия результатов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Кошечко, А. Н. Виктимологический дискурс в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского как опыт экзистенциальной рефлексии / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 8 (98). – С. 86–93. – 0,72 п.л.

2. Кошечко, А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) / А.Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 7 (109). – С. 192–199. – 0,73 п.л.

3. Кошечко, А. Н. Эпилептические припадки в мировоззренческой и художественной системе Ф.М. Достоевского: к постановке вопроса о генезисе экзистенциального сознания / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 11 (113). – С. 112–118. – 0,64 п.л.

4. Кошечко, А. Н. Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф.М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 93–110. – 1,13 п.л.

5. Кошечко, А. Н. Научный проект «Парадигмы художественного сознания в словесной культуре»: итоги и перспективы / А.Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Выпуск 3 (118). – С. 106–109. – 0,31 п.л.

6. Кошечко, А. Н. Восприятие Христа и ситуация духовно-нравственного выбора в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: к вопросу об интеграции религиозного и экзистенциального типов сознания/ А. Н. Кошечко // Сибирский филологический журнал. – 2012. – Вып. 3. – С. 62–71. – 0,73 п.л.

7. Кошечко, А. Н. Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Т.3. – Вып. 4 (52). – С. 274–279. – 0,53 п.л.

8. Кошечко, А. Н. Научные инновации: об итогах работы I Молодежной научной школы с международным участием «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции» / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 9 (124). – С. 207–209. – 0,23 п.л.

9. Кошечко, А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания / А. Н. Кошечко // Вестник

Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 11 (139). – С. 23–31. – 0,87 п.л.

10. Кошечко, А. Н. Ценностные парадигмы романтизма в генезисе экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 7 (148). – С. 150–156. – 0,64 п.л.

11. Кошечко, А. Н. Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации / А. Н. Кошечко // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). – 2014. – № 4. URL: <http://www.science-education.ru/118-14365> (дата обращения: 20.08.2014). – 0,57 п.л.

12. Кошечко, А. Н. Номолого-аксиологический подход в исследовании экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского как литературоведческой категории / А. Н. Кошечко // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). – 2014. – № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14387> (дата обращения: 22.08.2014). – 0,48 п.л.

13. Кошечко, А. Н. Творчество Ф. М. Достоевского в идейном пространстве гуманистической антропологии русского экзистенциализма / А. Н. Кошечко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 9 (150). – С. 96–103. – 0,74 п.л.

14. Кошечко, А. Н. «Мир с Богом» и «мир без Бога»: религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии романа Ф. М. Достоевского «Бесы» / А. Н. Кошечко // Сибирский филологический журнал. – 2014. – Вып 3. – С. 94–104. – 0,81 п.л.

15. Янушкевич, А. С., Кошечко, А. Н. Психоаналитический подход к изучению форм экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского / А. С. Янушкевич, А. Н. Кошечко // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). – 2014. – № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14627> (дата обращения: 25.09.2014). – 0,68 / 0,58 п.л.

16. Кошечко, А.Н. Ценность как системообразующая категория экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). – 2014. – № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14825> (дата обращения: 09.10.2014). – 0,49 п.л.

Монография:

17. Кошечко, А. Н. Экзистенциальная судьба Ф.М. Достоевского: способы отражения в слове / А. Н. Кошечко. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. – 160 с. – 7,6 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

18. Кошечко, А. Н. Семья в экзистенциальной парадигме «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского / А. Н. Кошечко // *Wychowanie w Rodzinie*. Воспитание в семье. Исторический и современный контекст. – 2013. – Вып. 1. – Т. VII. – С. 59–69. – 0,44 п.л.

19. Кошечко, А. Н. Проблема преступления и наказания в романах Ф. М. Достоевского и А. Камю («Преступление и наказание» и «Посторонний»)

/ А. Н. Кошечко // Русская литература в современном культурном пространстве: Мат-лы IV Междунар. научн. конф. (2–3 ноября 2006 г.): В 3 т. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 170–176. – 0,42 п.л.

20. Кошечко, А. Н. Традиции жанров античной литературы в поэтике романов Пятикнижия Ф. М. Достоевского (теоретический аспект) / А. Н. Кошечко // Художественный текст: варианты интерпретации: Тр. XII Всеросс. науч.-практ. конф. (Бийск, 18–19 мая 2007 г.): В 2 ч. – Бийск, 2007. – Ч. 2. – С. 3–9. – 0,27 п.л.

21. Кошечко, А. Н. Традиции русской литературы и культуры в пространственной поэтике романов Пятикнижия Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Развитие русского национального мирообраза в пространстве межкультурного диалога: Мат-лы Междунар. науч. конф. (15–16 мая 2008 г.). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – С. 64–67. – 0,22 п.л.

22. Кошечко, А. Н. Экзистенциальная саморефлексия в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Русская литература в современном культурном пространстве. Литература о литературе: Проблема литературной саморефлексии: Мат-лы V Всеросс. науч. конф. (2–3 ноября 2009 г.). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – С. 72–83. – 0,51 п.л.

23. Кошечко, А. Н. Преодоление инерции жанрового мышления в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: к проблеме выражения экзистенциального сознания / А. Н. Кошечко // Ф. М. Достоевский в смене эпох и поколений: сборник мат-лов Междунар. науч. конф. (Омск, 13–15 октября 2011). – Омск: «Образование Информ», 2011. – С. 276–283. – 0,46 п.л.

24. Кошечко, А. Н. «Воспоминания» А. Г. Достоевской: к вопросу о генезисе экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Славянский мир. Диалог культур: Сб. науч. ст.: в 2 ч. – Омск; Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Ч. 2. – С. 160–169. – 0,43 п.л.

25. Кошечко, А. Н. Ценности православной культуры в системе мировоззрения и творчестве Ф. М. Достоевского: проблема жертвы/жертвенности в «Дневнике писателя» / А. Н. Кошечко // Православные традиции в современном российском обществе: Мат-лы XXI духовно-истор. чтений памяти равноап. Кирилла и Мефодия. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 39–46. – 0,4 п.л.

26. Кошечко, А. Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности (на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) / А. Н. Кошечко // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России: Мат-лы XXII духовно-истор. чтений памяти равноап. Кирилла и Мефодия. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. – С. 34–41. – 0,4 п.л.

27. Кошечко, А. Н. Проблема созидания семьи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Русская литература в современном культурном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: Мат-лы VI Всеросс. с междунар. участием науч.

конф. (13–14 сентября 2012 г.). – Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. – С. 46–58. – 0,74 п.л.

29. Кошечко, А. Н. Духовные императивы русской литературы в системе ценностно-ориентированного обучения и воспитания школьников / А. Н. Кошечко // Из опыта работы педагогов-инноваторов Томской области (по результатам работы VII областного Форума инноваторов). – Томск, 2013. – С.161–168. – 0,34 п.л.

30. Кошечко, А. Н. Актуальные аспекты изучения творчества Ф. М. Достоевского в аспекте системно-деятельностного подхода// Проектный метод на уроках русского языка и литературы: Мат-лы Област. научно-практ. конф. (Томск, 22 ноября 2013 г.). – Томск: ТОИПКРО, 2013. – С. 56–59. – 0,26 п.л.

31. Кошечко, А. Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности (на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) / А. Н. Кошечко // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России: Мат-лы XXII духовно-истор. чтений памяти равноап. Кирилла и Мефодия. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. – С. 34–41. – 0,4 п.л.

32. Кошечко, А. Н. Преодоление апостасии: ценностно-мировоззренческая позиция учителя в практике современного духовно-нравственного образования и воспитания / А. Н. Кошечко // Духовно-нравственное воспитание. – 2014. – Вып. 1. – С. 27–35. – 0,56 п.л.

33. Кошечко, А. Н. «Я ищю святынь...»: Ф. М. Достоевский в ситуации ценностного диалога с читателем / А. Н. Кошечко // Традиционные христианские ценности и современный мир: Мат-лы XXIII духовно-истор. чтений памяти равноап. Кирилла и Мефодия. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. – С. 113–117. – 0,23 п.л.

Учебно-методические пособия:

34. Кошечко, А. Н. История зарубежной литературы (XX век): Учебно-методическое пособие / А. Н. Кошечко. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 135 с. – 5,5 п.л.

35. Разумова, Н. Е., Кошечко, А. Н. Драматургия А. П. Чехова: Учебно-методическое пособие / Н. Е. Разумова, А. Н. Кошечко. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 112 с. – 5,5 / 2,7 п.л.

**Издательство Томского государственного
педагогического университета**

Усл.печ. л.: 2,5   Уч.изд. л.: 2,4

Сдано в печать: 22.12.2014 г.

Гарнитура: Times New Roman

Заказ № 850/Н

Отпечатано в Типографии ФГБОУ ВПО «ТГПУ»

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2)52-12-93.

E-mail: tipograf@tspu.edu.ru